

Представления русских крестьян о службе в армии: на материалах рекрутского фольклора XIX–XX вв.

Юлия Сергеевна Чернышева

(Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН:
Российская Федерация, 614900, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а)

Аннотация. В рекрутском фольклоре упоминаются исторические события и социальные явления, им дается оценка, а также отражаются особенности восприятия крестьянами службы в армии. В работе представлена попытка осмысления представлений русских крестьян о службе в армии, бытовавших в XIX–XX вв. Анализ текстов рекрутского фольклора — плачей, песен, частушек — позволяет раскрыть особенности восприятия армейской службы русскими крестьянами, формы репрезентации призывника в коллективе, отношение к нему односельчан и родственников. Сделаны выводы, что рекрут в крестьянской среде переставал считаться «своим», а односельчане и члены семьи сочувствовали его участи. Так как армейский мир для крестьянина «чужой», возникают представления о том, что в армии жестокое обращение со стороны начальства, солдаты страдают от голода, тяжелой службы. Полученные результаты не только могут служить основой для дальнейших фольклористических, этнографических, лингвистических исследований, но и актуальны для введения в практику образовательной и культурной деятельности.

В качестве источников привлекаются архивные материалы фольклорно-этнографических экспедиций Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, публикации в периодической печати и сборников конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: рекрутский фольклор, проводы в армию, рекрутский обряд, образная система рекрутского фольклора.

Дата поступления статьи: 15 мая 2024 г.

Дата публикации: 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Чернышева Ю. С. Представления русских крестьян о службе в армии: на материалах рекрутского фольклора XIX–XX вв. // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 1. С. 39–53.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.1.003>

Фольклорные тексты содержат информацию об исторических событиях, явлениях, процессах и показывают отношение к ним участников и свидетелей этих событий, корректируя исторические события через призму личностных переживаний и формируя образы, символы и мотивы. Интерпретация фольклорных образов возможна в нескольких ракурсах. По замечанию А. Т. Хроленко, историк в тексте, представляющем отраженную действительность, ищет свидетельства о действительности реальной, в то время как для филолога текст ценен сам по себе [Хроленко 2010, 16]. Взяв за основу историко-этнографическую оптику, в настоящей статье рассмотрены представления русских крестьян о службе в армии, бытовавшие в XIX–XX вв., на основе анализа текстов рекрутского фольклора.

Среди фундаментальных исследований, посвященных рассмотрению концептов в сознании и языке, культурной семантике слова, — труды Н. И. Толстого [Толстой 1974, 1985, 1993]. Одной из центральных проблем, рассматриваемых автором, становится реконструкция народной культуры в ее языковом отражении. Этой же проблеме посвящены работы Т. В. Цивьян об отражении в языке балканской модели мира на анализе текстов разных жанров [Цивьян 1990], Т. В. Топоровой об исследовании принципов номинации ключевых понятий древнегерманской модели мира [Топорова 1994]. В последние несколько лет интерес к анализу языка и фольклорных текстов с целью интерпретации представлений носителя языка не угасает. В частности, А. А. Ким [Ким 2018] рассматривал лексику как этнолингвистический источник для реконструкции картины мира. Автор на языковом материале посредством анализа данных словарей, фольклорных текстов и пр. проводит реконструкцию селькупской культуры. Л. Ю. Лепешкина [Лепешкина 2021] рассматривает обрядовые тексты народов Среднего Поволжья, реконструируя образ будущего в них посредством

контент-анализа и культурологических методов. В настоящее время активно рассматривается интерпретация фольклорных образов в современной литературе и массовой культуре, и воинская служба не стала исключением. Ряд работ посвящен непосредственно рассмотрению рекрутского фольклора — песен [Волокитина 2014], частушек [Волокитина 2016], сказок [Волокитина 2013]. Н. А. Волокитина и Ф. Н. Иванов анализируют фольклорные тексты с целью выявить в них реалии военной службы и проанализировать сложившийся образ военной службы у населения Европейского Севера России. К такой же методологии исследовании прибегает С. В. Голикова, раскрывая в третьей главе монографии особенности восприятия традиционным сознанием судьбы и статуса солдата [Голикова 2021, 182–254]. Ряд авторов [Черных 2000; Балувская 2013б] рассматривают рекрутский фольклор на предмет образов и устойчивых мотивов в контексте обряда.

Рекрутский фольклор включает несколько жанров обрядового (причитания, заговоры, молитвы, песни) и необрядового (песни, частушки) фольклора. Для анализа были взяты некоторые жанры, фиксируемые исследователями в экспедициях последних десятилетий, — причитания, песни и частушки. Анализируемые жанры разные по времени возникновения и отражают разные исторические реалии рекрутской обрядности.

Причитания исполняются в кульминационные моменты: когда родные узнают, что парень попал в рекруты, во время прощания перед уходом рекрута из дома. Исполнитель (чаще — мать, близкие родственники, профессиональные плакальщицы, реже — сам рекрут) с помощью плача выражает эмоции — грусть и тоску об уходящем. Рекрутские плачи структурно и содержательно близки к воинским и содержат устойчивые мотивы расставания (прощания), однонаправленного пути (дороги), образы рекрута, матери (жены, семьи), армейской служ-

бы, воинских начальников и пр. По замечанию М. М. Громыко, рекрутские плачи «по художественным качествам могли конкурировать с былинами, но рисовали, в отличие от старин, опоэтизированную действительность: <...> тяготы солдатской службы, <...> встречи с возвратившимися в деревню солдатами и хозяйственные заботы крестьянина. Но больше всего — горечь разлуки» [Громыко 1991, 124].

Песни и частушки исполняются во время рекрутских гуляний и застолий накануне проводов. Образ службы в армии связан и с опасностями, которые подстерегают призывника и солдата. При проводах в армию исполнялись как собственно рекрутские песни, так и солдатские. Частушка как жанр возникает и соответственно включается в рекрутский обряд позже песни и характеризуется большей динамичностью: быстро реагирует на происходящие явления и процессы. Мотивы и концепты, представленные в частушечных текстах, отражают исторические события и явления относительно недавнего прошлого. В рекрутских песнях можно встретить упоминания о военных кампаниях как недавнего (по отношению ко времени исполнения) прошлого, так и столетней давности.

Все упомянутые жанры рекрутского фольклора содержат близкие мотивы и образы, при этом в исторической динамике они могут трансформироваться. В этой связи представляет интерес исследование Т. Г. Ивановой, в котором автор проводит сравнительно-сопоставительный анализ воинских причитаний с 1868 по 1945 г. и приходит к выводу, что «плачи в той или иной форме вступают во взаимодействие с идеологией государства <...> и отражают наиболее значимые изменения в идеологии» [Иванова 2010, 170]. Аналогично изменение мотивов и образов происходит в песнях и частушках. Некоторые образы (например, образ рекрута/солдата, армии/службы,

коммуникации с семьей) не просто изменяются со временем, но и существуют параллельно в первоначальном¹ и трансформированном виде. Представим результаты рассмотрения ряда образов рекрутского фольклора в динамике, выявим особенности их бытования и попытаемся объяснить сосуществование различных, зачастую противоположных, смыслов.

Источниками послужили архивные материалы фольклорно-этнографических экспедиций Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, публикации в периодической печати и сборниках конца XIX — начала XX в. Часть источников содержит тексты, записанные в конце XIX — первой половине XX в.: это фольклорные сборники [Барсов 1882; Виноградов 1927; Чистов 1984], статьи в научной периодике [Успенский 1896; Ульянов 1914], материалы корреспондентов «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева [Русские крестьяне]. Другая часть представлена полевыми материалами фольклорно-этнографических экспедиций 1980-х и 2000–2021 гг., хранящихся в архивах Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН [АИГИ], кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [АКУНТ], а также опубликованными материалами в сборниках [Вилисов 1993; Белавин 2005] и др.

ОБРАЗ РЕКРУТА

Причитания как фольклорный жанр отличает большая эмоциональная нагрузка. Свадебные, похоронные, рекрутские — они во многом имеют сходную структуру, языковые особенности, средства выражения, что подтверждается исследованиями [Чистов 1984; Балуевская 2013а; Королькова 2013]. В рекрутских причитаниях отражаются личные пережива-

¹ Условно первоначальном: за основу взят образ, фиксируемый в источниках нижней хронологической границы исследования.

ния семьи призывника (жены, матери, сестры, невесты) и его самого. Интерес вызывают образы, в первую очередь самого рекрута (призывника), который создается в словах матери, жены, сестры: «Мое / сердечно дитятко» [Русские крестьяне 2005, 149], «Сокол / соколочек брателко» [Чистов 1984, 418–419], «надежная / милая сдержавушка» [Барсов 1882, 194], «моя стена блокамена / гора высокая» [Балуевская 2013б, 92]. Помимо эмоционально окрашенных словосочетаний, подчеркивающих родственные и межличностные отношения, встречаются маркеры социально-экономического положения рекрута в семье:

...С кем мне мысли да теперь мыслити,
И **работушку** будет **робити**, —
На полях-то да **хлебородных**,
На пастбищах-то на **прокосных**...
[Ульянов 1914, 238].

И его кушаньем ведь вы не наваживали,
И все **крестьянской работой** утруждали;
И вы **держали-то его** вместо **подворничка**,
И **почитали-то его** да как **работничка**
[Барсов 1882, 21].

Милый мой детёнок!
Остался ты без своего батюшки!
<...> Сделаешься ты, дитятко, в семье
Всем как будто не родной, —
Сделаешься ты в ней
Как будто чужой!
Будешь ты холодной и голодный,
Все будут над тобой надругаться...²
[Успенский 1896, 244].

...Уж как ростячи сердечных малых
детушек,
И без своей да без надежной сдержавушки,
<...> И как живучи без надежной
сдержавушки,
И не по силушке крестьянская работушка,
И не по розмыслу великая заботушка...
[Барсов 1882, 102].

В текстах причитаний расставание

с рекрутом является не только личной трагедией — оно несет важные экономические изменения: уходит работоспособный мужчина, хозяйство лишается одного из работников (если он холостой и уходит из отцовского дома) или главного работника (если он женатый и имеет собственное хозяйство). Этнографами конца XIX — начала XX в. отмечается, что по этой причине парней, состоящих на очередь в рекруты, старались не женить: «Однако если парню предстоит воинская повинность, то женить не принято, пока он не отойдет от повинности или пока не отслужится или не освободится по неспособности» [Русские крестьяне 2006а, 349]. Тенденция жениться после службы в армии сохраняется и в советское время, однако в этом случае в первую очередь играют роль не экономические мотивы, а существовавшая в обществе система социализации для молодого человека: школа — образовательное учреждение профессионального образования — армия — женитьба (о срочной службе как институте социополовозрастной инициации см.: [Головин 2003]).

Несмотря на то что служба в армии после реформы 1874 г. составляла не более семи лет (в зависимости от рода войск), а чаще три–четыре года, уход молодого человека в большинстве случаев считался трагедией для семьи: «Ни на одну из общественных повинностей крестьяне не смотрят так, как на воинскую повинность. Эта повинность самая тяжелая для них, прежде всего по тем материальным издержкам, которые соединены с нею, и вследствие взгляда крестьянина на самую службу как на очень трудную и тяжелую, к тому же и происходящую в далекой чужой стороне, так как многие из крестьян не бывали далее границ своей волости» [Русские крестьяне 2007, 654] (об отношении крестьян к воинской повинности в 1898–1899 гг.). В причитаниях того времени часто употребляются слова и словосочетания, подчеркивающие несчастную и тяжелую долю рекрута. Например, сам

² Причет жены о муже-рекруте, обращение к детям.

рекрут называет себя несчастным, горегорьким, кручинной головушкой:

...И пожалели бы **солдата горегорькаго**,
И своего да светушка братца родимаго,
Уж как **я бедна кручинная головушка...**
[Барсов 1882, 161].

...И ты не плачь бедна родитель,
с горячими слезмы,
И не придай тоски солдатскому сердечушку:
И **на моем** же ведь **безсчастном**
сердечушке,

И много множество великой
е кручинушки,
И как больши того **злодийной обидушки**.
И уж я думаю, **солдат бедной**
безсчастной...

[Там же, 212].

Образ несчастного рекрута, покидающего дом, оставляющего на произвол судьбы стариков-родителей, жену и малолетних детей, часто встречается и в песнях:

Полно ветру бунтоваться,
Синю морю колыбаться,
Мне молодцу пугаться,
Я и так **парень напуган**.
Как во нонешние годы,
Пошли частые наборы.
Вот идет полк солдатов
Все солдаты идут — **плачут**,
Как один солдат не плачет —
Он во гусельки играет,
Всех солдатов спотешает,
Вы не плачьте-ко, ребята,
Вы не плачьте, новобранцы.
Нам не пашеньку пахать,
Не покосы расчищать.
Пусть покосы заростают,
Пусть земелюшка пустеет,
Отец с матерью стареют,
Молоды жены вдовеют,
Малы детки сиротеют.
С неба звездочки падают,
Малы детки — убирают
[Русские крестьяне 2009а, 495].

Оставьте наши дома
Молодые жены,
Горькия сиротки,
Молодые детки.
Оставьте **батюшки родные**
С золотой казной.
Легче было б нам **солдатушкам**
С грусти помереть
[Русские крестьяне 2006, 140–141].

В частушках рекрут также представлен как несчастный молодой человек, покидающий дом:

Некрута, некрута,
Буйные головушки,
Доли-доли **не видать**,
Родимой сторонюшки
[Белавин 2005, 37].

Мне **не долго** молодцу
Гулять по тятину крыльцу,
Не годок, не зимушка,
Одна только неделюшка
[Русские крестьяне 2007, 587].

Рекрут перестает считаться «своим» в крестьянской общине. Этому явлению посвящено отдельное исследование [Чернышева 2022], а потому не будем останавливаться подробно. Заметим только, что в фольклоре описываются ситуации, когда рекруты перестают считаться полноправными членами общины:

Мы, некрутики, **не люди**,
Нас и девушки не любят,
Про нас слава и почет:
Называют **бритый чорт**
[Симаков 1913, 439].

В фольклорных текстах складывается образ рекрута как 1) кормильца семьи («почитали его как работничка»); 2) несчастного молодого человека, оторванного от привычного быта и семьи («солдат бедной безсчастной»). С помощью эпитетов «сердечный», «милый», «дорогой» подчеркивается теплое, любящее отношение к рекруту со стороны близких.

ОБРАЗ АРМИИ

В рекрутском фольклоре ярко выражен образ армии и солдатской службы. С одной стороны, служба в армии — «чужой» мир для крестьянина. Ж. В. Кормина отмечает: «Армия находится вне границ крестьянского мира, в чужом пространстве» [Кормина 2005, 261]. Отсюда возникают эпитеты, характеризующую службу как «дальнюю/чужую сторонушку», «тяжелую долю», «грозную службу». Такая характеристика службы в армии чаще всего встречается в плачах и песнях:

...Ты подёшь, да мило дитятко,
Не в любимую да путь-дороженьку,
 Не в любимую — во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,
 Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да государскую,
 Во солдаты новобранные!..
 [Чистов 1984, 415–416].

Тексты с названием города для обозначения «чужой» стороны»

Под окошком дует ветер,
 Рекрутов угонят **в Питер.**
 Погнали дружка **по Неве,**
 Ревела, милый по тебе...
 [Русские крестьяне 2006, 133].

Пароходики **из Нижнего**
 Тихонечко плывут.
 Нет ли весточки от милого —
 Скажите кто-нибудь
 (Зап. от Полины Григорьевны
 Купцовой, 1926 г. р., с. Колунец,
 Тетюшский р-н, Республика
 Татарстан. 1984 г.) [АКУНТ].

Они звали-то девушек с собою:
 — Вы пойдите, красны девки, с
 нами.
 Что со нами, со рекрутами,
 Вплоть до матушки **до Казани...**
 [Зырянов 1977, 126].

Неслучайно в качестве «чужой» стороны названы крупные города. Название города, встречающегося в песне/частушке/плаче, зависит от нескольких факторов. Во-первых, упоминаются города в зави-

Ой, все сударушки, прощайте,
 Нам теперя не до вас.
 Отъезжаем, просят вас.
 Ой, отъезжаем, отдаляем
К чужедальним городам.
К чужедальним, незнакомым,
 На готовых на судах
 [Белавин 2005, 24–25].

В фольклорных текстах названия городов выступают маркерами и чужой стороны, и своей (например: «Полно, полно погуляли / По своим деревенкам, / Топерь погоня молодцов / По разным губернкам» [Русские крестьяне 2008, 313]). С. В. Толкачева отмечает, что «символами “чужой” стороны становятся названия городов — Москва, Питер» [Толкачева 2022, 282]. В мотиве прощания с родным селом/городом/заводом его наименованию противопоставляются наименования крупных городов — Нижний Новгород, Казань и др.

Тексты с названием города для обозначения «своей» стороны»

Прощай, **Кадников город,**
 Прощай, светла голова,
 Прощай, **родина-деревня,**
 До свиданья, милая
 [Симаков 1913, 381].

Ой, ты прощай, прощай, пихтовник,
 прощай, **нытвенский завод**
 [Белавин 2005, 24].

Прощай, ельницек-береницек,
Егорьевский приход.
 Прощай, милая милашка,
 Я сажусь на пароход!
 [Русские крестьяне 2011, 152].

симости от региона бытования фольклорного текста, являющиеся волостными, уездными или губернскими центрами, в которые свозили призывников со всей округи (например: «В Борисовском прав-

леньце, / В белокаменном доме, / Мое русое
волосьице / Осталось на полу» [Елеонская
1914, 79]). Во-вторых, упоминаются го-
рода и регионы, другие географические
объекты, в которых располагались воин-
ские части, проходили военные кампании
(например: «Как Смоленская дорога / Вся
слезами улита, / Потому она улита, / По
ней ходят некрута» [Там же, 120]).

В плачах:

Надо идти, да ехати
Во путь во дороженьку,
Во дорожку невеселую:
Во солдаты во рекруту,
Под ружья-то светлыя,
Под сабли-то вострыя,
Под пушки-то громкия,
Под **начальство-то строгое**
Во жиру-то то печельную
[Русские крестьяне 2007, 792].

...Пора вставать да пробуждаться,
Всё во путь да во дороженьку
Как тебе да наряжаться,
Всё город да во Кириллово,
Ко судьям да немилостивым,
Ко сердцам да нежалостивым!
[Чистов 1984, 419].

Образ «начальника» в рекрутском
фольклоре во многом схож с аналогич-
ным образом в тюремном и имеет нега-
тивную коннотацию. Так, армейские на-
чальники — «нехристы», «безбожники»:

...И теперь я съезжу в Божью Церковь
  посвященную,
<...> И помолюсь да со слезами со горячима
Уж я этому Бладыке всё небесному:
И **сохранил бы** меня Господи **помиловал,**
И **от приемной** полаты белокаменной,
И как от этой бы **от службы** Государевой.
И ты **спаси** да Пресвята мать Богородица,
Ты **от этих властей немилосердных,**
Ты **от этих судей да всё безбожных!**
[Барсов 1882, 10].

Быдьте прокляты, злодии сыпостатыи!
Вергай сквозь землю ты, нехристь вся

поганая;

Тяжесть солдатской доли характере-
ризуют и образы начальников, приём-
щика, представленные в фольклорных
текстах — «*злых/немилостивых/нежало-
стивых/строгих*». Эти образы встреча-
ются как в плачах, записанных в конце
XIX — начале XX в., так и в частушках и
песнях, записанных в 1990-е гг.

В частушке:

Ягодиночку-то взяли,
Хоть и взяли, да придёт.
На **приёмщика-злодея**
Сердце век не отойдет
[Белавин 2005, 40].

Машинушка железная,
Колесики чугунные,
Далеко дролю увезли
Начальники неумные
[Частушка 1966, 210].

В песне:

...**Злые** командирушки
Без вины журят, бранят,
Без вины журят, бранят,
Без причины за всё бьют
[Зырянов 1977, 137].

И секите вы кудри поскорая,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брите его да по беля
[Виноградов 1927, 91].

Слово «командир» в поздних вариан-
тах имеет положительную коннотацию.
Распространенным частушечным моти-
вом в советское время становится «быть
командиром», «стать командиром». При
этом «начальник» в отношении руковод-
ства Красной армии в фольклоре практи-
чески не фиксируется:

Не грусти, моя Маруся,
Не грусти напрасно.
Отслужу, к тебе вернусь я
Командиром красным
[Частушки 1957, 39].

Милый мой, хороший мой,
Мы расстанемся с тобой;
Не грусти и не скучай,
Командиром приезжай
[Там же, 67].

В текстах причитаний зачастую образы командиров и начальников противопоставляются образу царя. Если первые — злые, сердитые безбожники, то царь — «бог, батюшка», и служба царю — святая обязанность:

И тут сводили в **Божью церковь**
посвященную,
И приводили их к присяге **вековечной;**
И выше головы кресты вздымали,
И **свою сторону солдаты забывали,**
И **отца матушку рекруты проклинали:**
«И мы служить будем **царю-Богу**
Россейскому,
И мы **стоять будем за веру**
христианскую...»
[Барсов 1882, 75].

Корреспонденты Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева пишут: «Ксамотратцам (уклонистам от службы. — Ю. Ч.) у нас относятся очень строго, в прием их сдают без всякой браковки и отчета, крестьяне же до самой его смерти при каждом удобном случае упрекают самотратством и цареступником, часто даже доносят начальству о том, что такой-то уклоняется от службы» [Русские крестьяне 2008, 270]. Над «забракованными» посмеивались, а пойти в армию считалось почетным: «Между всеми местными жителями моментально облетает известие, кто сдан на службу, кто остался и по какой причине. Над теми из натуральных, которые забракованы вследствие малого роста и слабого телосложения, народ смеется, или, по местному выражению, “подтрунивает”» [Русские крестьяне 2011, 54]. «Не нравится парню, когда его забракуают, когда он окажется непригодным для воинской службы по каким-ли-

бо физическим недостаткам. Над такими после смеются и говорят: “Его в солдаты не взяли, какой это парень!” Девуцы в разговоре о женихах отзываются часто небрежно о забракованном молодце. “Пойду я за браковку замуж! — говорит иная. — Какой он мужик, коли в солдаты не погодился”. Зато рады родители, когда их сын остался и не пошел на службу: они не лишаются работника в семье, и Бог избавил от убытка, который сопряжен с гулянкою новобранца и проводами его в дальнюю дорогу» [Русские крестьяне 2009, 38].

Служба в армии в представлении крестьян полна опасностей. Мотив опасности очень распространен, чаще всего он связан с врагом, оружием или местом сражений и выражается словосочетаниями «идут с оружием», «злые враги/турки/немцы», «сразит винтовка/пуля», «раны тяжелые» и др. Во многих текстах образы врагов представлены так точно, что это позволяет отнести появление того или иного текста к конкретной военной кампании. Для русской традиции конкретные враги связаны с наиболее знаковыми для русской истории военными компаниями: турецкой — «Поле чистое турецкое, / Мы когда тебя пройдем...» [Русские крестьяне 2008, 214], германской — «Мы в Германии стояли / Горы каменны ломали...» [Зырянов 1977, 138], «Ягодиночку убили, / Похоронен в Польше...» [Вилисов 1993, 51], японской — «Прощайте, все мои родные друзья, / Навек я с вами расстаюсь, / Да знать-то на Дальний Восток еду я...» [Белавин 2005, 31]³.

КОММУНИКАЦИЯ СОЛДАТА И СЕМЬИ

В фольклорных текстах встречается образ письма/восточки, с помощью которого можно представить коммуникацию ушедшего в солдаты и его семьи. Если обратимся к причитаниям, содержащим в себе информацию о службе в армии XVIII—XIX вв., то увидим неграмотную

³ Приведенные песни специалисты относят к жанру солдатских, но, как уже было сказано выше, во время проводов в армию солдатские песни также исполнялись.

крестьянку, ждущую письма от сына (мужа) со службы:

...И ты **пиши**, свет, **скорописчатую**
грамотку, <...>

И тут мы возьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к **писарям** да **хитромудрым**,
И рассмотрим да скорописчатую грамотку:
Как тоской да е письмо ведь запечатано,
И с горючмы слезмы с кручинушкой

написано;

И прочитаем мы, печальнии головушки,
И тут узнаем про бесчастнаго солдатуска
И про злодийну бедну жизнь да
про солдатскую...

[Барсов 1882, 78–79].

Интерес вызывает и способ написания письма — «горючим слезами с кручинушкой». Этот устойчивый метонимический образ встречается во многих причетах. Так пишет письмо не только солдат, но и его мать:

И обошла бы я вси лавочки торговьи,
И накупила бы я бумаженьки гербовьи;
И я бы нашла писаречка разумного,
Я разумна **писаречка хитромудраго**,
Хитроумна молодца Новгородскаго,
И написала бы письмо да я умиючи:
Уписала бы, горюша, **горючмы слезмы**,
И **запечатала** писмо бы я **кручинушкой...**»
[Там же, 158].

Кроме того, во втором отрывке мы видим образ неграмотной крестьянки, обращающейся за помощью в написании письма к «хитромудрому писарю». Встречается и упоминание плохой работы почтового сообщения: письма от солдат могли не доходить до семьи: «...И мы во дальней-то были во стороношке, / И мы за много тысяч, в дальних городах. / И хоть письма писать бы, к вам не доходили, / И к вам ведь весточки моей не доносили...» [Там же, 186]. Уже с конца XIX в., когда крестьяне частично овладевают грамотой, общение солдата с семьей становится возможным: «Первое письмо, полученное от солдата, — немаловажное событие: его

читают дома, несут читать в кабак, показывают его и грамотному, и неграмотному. В каждом из них испрашивается родительское благословение, посылаются поклоны и говорится о трудности солдатской службы» [Русские крестьяне 2004, 31]. Вероятно, поэтому в более поздних фольклорных текстах всё чаще встречаются слова о переписке солдата с семьей:

У мяя милой за границей,
В басурманской стороне;
Часто письма посылает —
Не дают читать мне!
[Зеленин 1906, 215].

Ты **пиши** нам **вестки-грамотки**,
Ты веди себя честехонько,
Да прослужи ты бассехонько
[Белавин 2005, 16].

Взяли дролю да и брата —
О котором горевать?
Я о брате буду плакать,
Дроле — **письма посылать**
[Орлов 1966, 210].

Мотив переписки в частушечных и песенных текстах может свидетельствовать и о том, что девушка ждет парня из армии. Подтверждением этому служат многочисленные песни, в которых коммуникация осуществляется в разных формах:

Ты **товарищ мой**, не с одной ли ты
стороношки со мной?
Не пойдешь ли ты на побывку да домой?
Не снесешь ли отцу-матери поклон,
Молодой жене да поцелуй?
[Белавин 2005, 28].

В поле **пташечка-касатушка** к земле
припадает,
Да **от милого весточку** скажет:
Да мой-от милый в засадушке сидит
[Там же, 27].

Мама спит и во сне видит, кому дочка
письма пишет.

Она пишет душе Ване, посылает телеграммы.
 Что ни первая машина, провозжает
 отец сына
 [Там же, 19].

Итак, в фольклорных текстах прослеживается трансформация коммуникации солдата с семьей. В XVIII–XIX вв. из-за неграмотности крестьян и сложностей с почтовым сообщением в стране общение рекрутов с членами семьи практически прерывалось. С конца XIX в. в текстах все чаще встречается сюжет коммуникации с солдатом посредством переписки, что может говорить о повышении грамотности среди крестьян и улучшении работы почтовой связи.

Фольклор зафиксировал значимые социокультурные явления, связанные с рекрутской службой. Они, с одной стороны, отражают представления о мире, в который попадают рекруты и которому свойственны определенные образы — далекая сторона, злые начальники и пр. Однако и общефольклорные мотивы по-своему реализуются в рекрут-

ском фольклоре. Так, для рекрутских причитаний, как и причитаний вообще (свадебных, похоронных), характерны мотивы расставания (прощания), однонаправленного пути (дороги), образы матери (жены, семьи), переписки.

В то же время есть образы и мотивы, характерные только для рекрутского фольклора: армейская служба, рекрут, ожидание со службы и др. Они встречаются во всех жанрах — причитаниях, песнях, частушках — и формируют особую образную систему.

Развитие образной системы рекрутского фольклора обусловлено исторической динамикой. В то время как причитания достаточно устойчивы и сохраняют формы и мотивы, несмотря на изменение исторических реалий, частушка или песня, напротив, более вариативны, быстро реагируя на изменяющиеся события, явления.

Сочетаемость этих трех аспектов: общефольклорные мотивы и образы, характерные только для рекрутского фольклора мотивы и историческая динамика — создает специфику рекрутского фольклора.

Источники и материалы

АИГИ — Архив Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.

АКУНТ — Архив кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Барсов 1882 — *Барсов Е. В.* Причитания Северного края: Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М.: Университет. тип., 1882.

Белавин 2005 — *Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э.* Война и песня. Солдатские и военные песни и фольклорной традиции Прикамья. Пермь: ПГПУ, 2005.

Вилисов 1993 — *Вилисов М. И.* Частушки: Сборник частушек и авторских песен. Пермь, 1993.

Виноградов 1927 — *Русские плачи (Причитания) / Вступ. ст. Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова; Ред. текстов и прим. Г. С. Виноградова. Л.: Сов. писатель, 1927.*

Елеонская 1914 — *Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М.: Изд. Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе ИОЛЕАиЭ, 1914.*

Зеленин 1906 — *Зеленин Д. К.* Сборник частушек Новгородской губернии: (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2, 3 / Под ред. В. Ф. Миллера, Н. А. Янчука. М., 1906. С. 164–230.

Зырянов 1977 — *Зырянов И. В.* Камская вольница. Исторический фольклор Прикамья / Собр. и сост. И. Зырянов. Пермь: Кн. изд-во, 1977.

Орлов 1966 — *Частушка / Гл. ред. В. Н. Орлов; Предисл. В. Ф. Бокова; Вступ. ст., подгот. текста и прим. В. С. Бахтина. Л.: Сов. писатель, 1966.*

Рекрутские припевки — Рекрутские припевки в ярославско-костромском пограничье. URL: <https://www.culture.ru/objects/2404/rekrutskie-pripevki-v-yaroslavsko-kostromskom-pograniche> (дата обращения: 01.09.2022).

Русские крестьяне 2004–2011 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004; Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1. СПб.: Деловая полиграфия, 2006; Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2. СПб.: Навигатор, 2006; Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007; Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2008; Т. 7. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб.: Навигатор, 2009; Т. 7. Ч. 3: Череповецкий уезд. СПб.: Навигатор, 2009; Т. 7. Ч. 1: Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. СПб.: Навигатор, 2011.

Симаков 1913 — *Симаков В. И.* Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1913.

Тихомирова 2020 — *Тихомирова Е. В.* Родима мать: Рекрутские частушки. URL: <http://opentextnn.ru/museum/ethnological-museum/folklor/rodima-mat/> (дата обращения: 01.09.2022).

Ульянов 1914 — *Ульянов И. И.* Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // Живая старина. 1914. Вып. 3/4. С. 233–270.

Успенский 1896 — *Успенский Д.* Рекрутские причитания // Живая старина. 1896. Вып. 2. Кн. XXII. 6 (№ р. 2). С. 242–248.

Частушка 1966 — Частушка. М.; Л.: Сов. писатель, 1966.

Частушки 1957 — Частушки. М.: Воен. изд-во, 1957.

Чистов 1984 — *Чистов К. В., Чистова Б. Е.* Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сб. / Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой; Вступ. ст., предисл. к разд. и коммент. К. Чистова. Л.: Худож. лит., 1984.

Исследования

Балуевская 2013а — *Балуевская С. В.* Причитания: проблемы изучения жанра // Вопросы музыкознания и музыкального образования: Сб. науч. тр. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2013. С. 94–101.

Балуевская 2013б — *Балуевская С. В.* Рекрутские причитания в народной традиции среднего течения реки Сухоны (Нюксенский район Вологодской области) // Современные

экспедиционные исследования народных традиций Вологодской области: Сб. науч. ст. (Вологда, 27–28 октября 2011 г.). Вологда: Обл. науч.-метод. центр культуры и повышения квалификации, 2013. С. 88–98.

Волокитина 2013 — *Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н.* Отражение реалий военной службы в сказках населения Европейского Севера России в конце XVIII–XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10—1 (36). С. 43–48.

Волокитина 2014 — *Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н.* Отражение реалий военной службы в песенном фольклоре населения Европейского Севера России конца XVIII–XIX в. // Вестник ВятГУ. 2014. № 11. С. 72–82.

Волокитина 2016 — *Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н.* Частушки населения Европейского Севера России о военной службе в XIX — начале XX в. // Новый университет. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 5–6 (62–63). С. 46–54.

Голикова 2021 — *Голикова С. В.* Рекрутчина как социокультурное явление (по материалам Урала XVIII–XIX вв.). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2021.

Головин 2003 — *Головин В. В., Лурье М. Л., Кулешов Е. В.* Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор: Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 186–230.

Громыко 1991 — *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

Иванова 2010 — *Иванова Т. Г.* Идеологемы и их формульное воплощение в русских народных плачах воинской тематики (XIX–XX века) // Русская литература. 2010. № 1. С. 142–171.

Ким 2018 — *Ким А. А.* Лексика верований селькупов как этнолингвистический источник для реконструкции картины мира. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2018.

Кормина 2005 — *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое лит. обозрение, 2005.

Королькова 2013 — *Королькова И. В.* Стилевые особенности похоронных и рекрутских причитаний Средней Сухоны // Народная традиционная культура в образовательных программах и научных исследованиях: Сб. матер. Всерос. конф. 2008–2010 гг.

(Санкт-Петербург, 14–17 октября 2008 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. политехн. ун-та, 2013. С. 487–497.

Лепешкина 2021 — *Лепешкина Л. Ю.* Образ будущей жизни в обрядовых текстах народов Среднего Поволжья // *Litera*. 2021. № 11. С. 177–187.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012.

Толкачева 2022 — *Толкачева С. В.* Метафорические образы пространства в русских традиционных рекрутских обрядах Удмуртии: тематика «пути-дороги» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 2. С. 281–286.

Толстой 1974 — *Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии. 1. Откуда дьяволы разные? // *Матер. Всесоюз. симп. по вторичных моделирующим системам*. I (5). Тарту, 1974. С. 27–32.

Толстой 1985 — *Толстой Н. И.* Заметки по славянской демонологии. 3. Откуда название шуликун? // *Восточные славяне. Языки. История. Культура: К 85-летию академика В. И. Боровского* / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1985. С. 278–286.

Толстой, Толстая 1993 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-) // *Славянское языкознание: XI Междунар. съезд славистов: Доклады российской делегации*. М.: Наука, 1993. С. 162–186.

Топорова 1994 — *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994.

Хроленко 2010 — *Хроленко А. Т.* Введение в лингвофольклористику: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2010.

Цивьян 1990 — *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира / *Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. В. Н. Топоров*. М.: Наука, 1990.

Черных 2000 — *Черных А. В.* Рекрутский фольклор в контексте обряда // *Фольклорный текст-99: Матер. науч.-метод. семинара*. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. С. 26–30.

Чернышева 2022 — *Чернышева Ю. С.* «Рекрут», «солдат», «призывник»: о социальном статусе уходящего в армию в русских селах // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2022. № 3. С. 53–59.

© Ю. С. Чернышева, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышева Ю. С. <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

Научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН: Российская Федерация, 614900, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а; e-mail: yulyachernysheva99@gmail.com

---

Ideas of Russian Peasants About Serving in The Army in Folklore Concerning Recruitment (19th — 20th Centuries)

Yuliya S. Chernysheva

(Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences:
13a, Lenin str., Perm, 614090, Russian Federation)

Summary. Russian folklore concerning recruitment mentions historical events and social phenomena, evaluates them, and reflects the peculiarities of peasants' perception of military service. This article attempts to describe Russian peasants ideas about military service that existed in the nineteenth and twentieth centuries. By analyzing the texts of folklore concerning recruitment — lamentations, songs, chastushki — we can discern peasants' perception of army service; the way that conscripts were regarded in the collective; and the attitude of fellow villagers and relatives toward them. Recruits in the peasant environment ceased to be considered "their own," and fellow villagers and family members sympathized with their fate. Since the army world was alien to the peasant, the view formed that those in the army were mistreated by the authorities and that soldiers suffer from hunger and hard service. The results of this study may not only serve as a basis for further folkloric, ethnographic, linguistic research, but are also relevant for putting educational and cultural activities into practice. Sources for this article include archival materials from folklore and ethnographic expeditions sponsored by the Institute of Humanitarian Studies, the Perm Federal Research Center, Ural Branch, and by Lomonosov Moscow State University; as well as periodical publications.

Key words: folklore concerning recruitment, its system of imagery, sending men off to the army (provody), recruiting rites.

Received: May 15, 2024.

Date of publications: March 25, 2025.

For citation: Chernysheva Yu. S. Ideas of Russian Peasants About Serving in the Army in Folklore Concerning Recruitment (19th — 20th Centuries). *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 1. Pp. 39–53. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.1.003>

References

Baluyevskaya S. V. (2013) Prichitaniya: problemy izucheniya zhanra [Lamentations: Problems of Genre Study]. In: Voprosy muzykoznaniya i muzykal'nogo obrazovaniya: Sb. nauch. trudov [Questions of Musicology and Music Education. A Collection of Scholarly Papers]. Vologda: Vologodskii gos. ped. un-t. Pp. 94–101. In Russian.

Baluyevskaya S. V. (2013) Rekrutskie prichitaniya v narodnoy traditsii srednego techeniya reki Sukhony (Nyuksenskiy rayon Vologodskoy oblasti) [Recruiting Lamentations in the Folk Tradition of the Middle Course of the Sukhona River (Nyuksensky District of the Vologda Region)]. In: Sovremennyye ekspeditsionnyye issledovaniya narodnykh traditsiy Vologodskoy oblasti: Sbornik nauchnykh statey [Modern Expeditionary Research of Folk Traditions of

the Vologda Region: A Collection of Scholarly Articles]. Vologda: Oblastnoy nauch.-metod. tsentr kul'tury i povysheniya kvalifikatsii. Pp. 88–98. In Russian.

Chernykh A. V. (2000) Rekrutskii fol'klor v kontekste obryada [Recruiting Folklore in the Context of Ritual]. In: Materialy nauchno-metodicheskogo seminar [Materials of a Scholarly and Methodological Seminar]. Perm: Perm State Pedagogical University. Pp. 26–30. In Russian.

Golikova S. V. (2021) Rekrutchina kak sotsiokul'turnoe yavlenie (po materialam Urala XVIII—XIX vv.) [Recruitment as a Socio-Cultural Phenomenon (Based on the Materials of the Urals of the Eighteenth — Nineteenth Centuries)]. Ekaterinburg: Institut istorii i arkhologii URO RAN. In Russian.

Golovin V. V., Lur'ye M. L., Kuleshov Ye. V. (2003) Subkul'tura soldat srochnoi sluzhby

[The Subculture of Conscript Soldiers]. In: *Sovremennyi gorodskoi fol'klor: Traditsiya — tekst — fol'klor: tipologiya i semiotika* [Modern Urban Folklore: Tradition — Text — Folklore: Typology and Semiotics]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Pp. 186–230. In Russian.

Gromyko M. M. (1991) *Mir russkoj derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow: Molodaya Gvardiya. In Russian.

Hrolenko A. T. (2010) *Vvedenie v lingvo-fol'kloristiku (uchebnoe posobie)* [Introduction to Linguofolkloristics (Textbook)]. Moscow: Flinta. In Russian.

Ivanova T. G. (2010) *Ideologemy i ikh formul'noe voploshchenie v russkikh narodnykh plachakh voinskoj tematiki (XIX–XX veka)* [Ideologemes and Their Formulaic Embodiment in Russian Folk Lamentations with Military Themes (Nineteenth — Twentieth Centuries)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2010. No. 1. Pp. 142–171. In Russian.

Kim A. A. (2018) *Leksika verovanii sel'kupov kak ehtnolingvisticheskii istochnik dlya rekonstruktsii kartiny mira* [The Vocabulary of Selkup Beliefs as an Ethnolinguistic Source for the Reconstruction of Their Worldview]. Tomsk: Tomskii gos. ped. un-t. In Russian.

Kormina Zh. V. (2005) *Provody v armiyu v poreformnoi Rossii. Opyt ehtnograficheskogo analiza* [Send-Offs to the Army in Post-Reform Russia: An Attempt at Ethnographic Analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. In Russian.

Korol'kova I. V. (2013) *Stilevye osobennosti pokhoronnykh i rekrutskikh prichitanii Srednei Sukhony* [Stylistic Features of Funeral and Recruiting Lamentations of the Middle Sukhona]. In: *Narodnaya traditsionnaya kul'tura v obrazovatel'nykh programmakh i nauchnykh issledovaniyakh: Sb. mater. Vseros. konf. 2008–2010 gg. Sankt-Peterburg, 14–17 oktyabrya 2008 g.* [Folk Traditional Culture in Educational Programs and Scholarly Research: A Collection of Materials of the All-Russian Conferences of 2008–2010, St. Petersburg, October 14–17, 2008]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo politekhnich. un-ta. Pp. 478–497. In Russian.

Lepeshkina L. Yu. (2021) *Obraz budushchei zhizni v obryadovykh tekstakh narodov Srednego Povolzh'ya* [The Image of the Future Life in the Ritual Texts of the Peoples of the Middle Volga Region]. *Litera*. 2021. No. 11. Pp. 177–187. In Russian.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskie slovar'. T. 5: S (Skazka) — Ya (Yashcheritsa) [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols. Vol. 5: S — Ya]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. In Russian.

Tolkacheva S. V. (2022) *Metaforicheskie obrazy prostranstva v russkikh traditsionnykh rekrutskikh obryadakh Udmurtii: tematika "puti-dorogi"* [Metaphorical Images of Space in the Russian Traditional Recruitment Rites of Udmurtia: The Theme of "Paths-Roads"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2022. Iss. 15. No. 2. Pp. 281–286. In Russian.

Tolstoy N. I. (1974) *Iz zametok po slavyanskoj demonologii. 1. Otkuda d'yavoly raznye?* [From Notes on Slavic Demonology. 1. Where Are the Various Devils From?]. In: *Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnykh modeliruyushchim sistemam* [Materials of the All-Union Symposium on Secondary Modeling Systems]. No. I (5). Tartu. Pp. 27–32. In Russian.

Tolstoy N. I. (1985) *Zametki po slavyanskoj demonologii. 3. Otkuda nazvanie shulikun?* [Notes on Slavic Demonology. 3. Where Does the Name "Shulikun" Come From?]. In: *Vostochnye slavyane. Yazyki. Istoriya. Kul'tura: K 85-letiyu akademika V. I. Borovskogo* [Eastern Slavs. Languages. History. Culture. To the 85th Anniversary of Academician V. I. Borovskiy]. Ed. by Yu. N. Karaulov. Moscow: Nauka. Pp. 278–286. In Russian.

Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. (1993) *Slovo v obryadovom tekste (kul'turnaya semantika slav. *vesel-)* [The Word in the Ritual Text (The Cultural Semantics of Slav. *vesel-)]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunar. s'ezd slavistov. XI International Congress of Slavists. Reports of the Russian Delegation*. Moscow: Nauka. Pp. 162–186. In Russian.

Toporova T. V. (1994) *Semanticheskaya struktura drevnegermanskoj modeli mira* [The Semantic Structure of the Ancient Germanic Model of the World]. Moscow: Radiks. In Russian.

Tsiv'yan T. V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira* [The Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Ed. by V. N. Toporov. Moscow: Nauka. In Russian.

Volokitina N. A., Ivanov F. N. (2013) *Otrazhenie realii voennoi sluzhby v skazkakh*

naseleniya Evropeiskogo Severa Rossii v kontse XVIII–XIX v. [The Reflection of the Realities of Military Service in the Fairy Tales of the Population of the European North of Russia at the End of the Eighteenth and in the Nineteenth Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]. 2013. No. 10–1(36). Pp. 43–48. In Russian.

Volokitina N. A., Ivanov F. N. (2014) Otrazheniye realiy voyennoy sluzhby v pesenom fol'klоре naseleniya Yevropeyskogo Severa Rossii kontsa XVIII–XIX v. [The Reflection of the Realities of Military Service in the Song Folklore

of the Population of the European North of Russia at the End of the Eighteenth and in the Nineteenth Century]. *Vestnik VyatGU* [Bulletin of Vyatka State University]. 2014. No. 11. Pp. 72–82. In Russian.

Volokitina N. A., Ivanov F. N. (2016) Chastushki naseleniya Evropeiskogo Severa Rossii o voennoi sluzhbe v XIX — nachale XX vv. [Chastushki of the Population of the European North of Russia About Military Service in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. *Novyi universitet. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [A New University. Actual Problems in the Humanities and Social Sciences]. 2016. No. 5–6 (62–63). Pp. 46–54. In Russian.

© Yu. S. Chernysheva, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Yuliya S. Chernysheva. <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

E-mail: yulyachernysheva99@gmail.com

Tel.: +7 (3422) 212-70-19

13a, Lenin str., Perm, 614090, Russian Federation

Researcher, Institute of Humanities Research, Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

---

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)